

Исходная страница:

<http://intersectionproject.eu//ru/article/russia-world/soglashenie-dlya-sebya-zachem-v-astane-dogovorilis-o-zonah-deeskalacii-v-sirii>

• Автор: [Леонид Исаев](#)

[Соглашение для себя: зачем в Астане договорились о зонах деэскалации в Сирии?](#)

Очередные переговоры в Астане, сам факт проведения которых многими экспертами и участниками сирийского конфликта ставился под сомнение, завершились [подписанием еще одного коммюнике](#). Смысл его сводится к созданию на территории Сирии зон деэскалации, свободных от боевых действий между конфликтующими сторонами – правительственной армией и вооруженной оппозицией.

Принятый документ – очередная попытка установления в Сирии «режима тишины», которого прежде удавалось добиваться лишь на весьма ограниченном временном и территориальном промежутке. Остановить кровопролитие в Сирии и перевести конфликт из военной в политическую плоскость не смогли ни перемирия, заключенные под гарантии России и США, ни одностороннее объявление о прекращении огня со стороны Москвы и ее союзников, ни «тройственная» мирная инициатива между Турцией, Россией и Ираном.

И проблема здесь не столько в искренности гарантов режима прекращения огня, сколько в самих противоборствующих сторонах, возможность влиять на которые у внешних акторов далеко не безгранична. Следует задуматься над тем, а готовы ли сами сирийцы подписаться под теми соглашениями, которые ложатся в основу очередной «Женевы» или «Астаны»? По всей видимости, нет, –

как минимум до тех пор, пока у сторон, во-первых, есть возможность балансировать между интересами своих внешних покровителей и, во-вторых, нет острого дефицита ресурсов. Это непременно приводит к саботированию достигнутых договоренностей со стороны непосредственных участников конфликта – что мы, в общем-то, уже не раз и наблюдали.

Последним эпизодом стала химическая атака в идлибском городе Хан-Шейхун, которая вызвала столь мощный резонанс в мировом сообществе, что привела к ракетному удару США по сирийской военной базе «аш-Шайрат». После этого стало окончательно ясно, что режим прекращения огня, инициированный «тройкой», более не функционирует. А значит, нужно было как можно скорее запустить новый механизм деэскалации конфликта как минимум для того, чтобы астанинский и женевский процессы вновь не зашли в тупик, чего, с точки зрения российского руководства, нельзя допустить.

Россия на сегодняшний день наиболее заинтересованный в политическом урегулировании сирийского конфликта игрок, для которого срыв «Женева» и «Астана» чреват серьезными репутационными издержками. После окончательного провала в сентябре 2016 года российско-американской мирной инициативы, осуществлявшейся в рамках Международной группы поддержки Сирии, Москва не преминула воспользоваться переходным периодом в руководстве США, чтобы перехватить инициативу и обозначить свои «правила игры» в Сирии. На это была направлена «тройственная инициатива» (декабрь 2016 года) и последовавшие за ней астанинский и женевский процессы.

Инициировав с огромным трудом возобновление переговорного процесса по Сирии, Москва оказалась заинтересована в его успешности больше, чем кто бы то ни было. «Женева» и «Астана» несут для России важный имиджевый потенциал, поскольку в случае безрезультативности этих форматов у российского руководства не будет возможности списать провал на деструктивную роль США или других внешних «партнеров», как это обычно происходило ранее. Ставки для Кремля слишком высоки, а результаты по-прежнему остаются непредсказуемыми, а значит Москва вынуждена искать все новые способы деэскалации сирийского конфликта.

Необходимость выработки в Астане нового механизма имплементации режима прекращения боевых действий была обусловлена еще и тем, что использование химоружия в Хан-Шейхуне потенциально вело к нагнетанию конфликтности в провинции Идлиб, что становилось бы крайне нежелательным как для России, так и для Турции – особенно в разгар очередного потепления отношений между Владимиром Путиным и Реджепом Эрдоганом.

Сирийское руководство, судя по его заявлениям, уже давно не склонно к поиску компромисса с оппозицией и грезит о полном возвращении контроля над всей территорией страны, причем военным путем. Уже после взятия Алеппо баасистский режим поставил себе целью дальнейшую военную экспансию на соседнюю провинцию Идлиб. Однако, учитывая неспособность сирийской армии распространить свое влияние на всю территорию страны, добиться этого без военной помощи союзников (в первую очередь России) Дамаск не в состоянии.

В Москве прекрасно понимают, что амбиции баасистов ничем не оправданы, да и их удовлетворение потребует увеличения российского военного присутствия, что неизбежно несет в себе неоправданные политические риски. Более того, участие в военной кампании в Идлибе чревато для российского руководства тем, что издержки и вовсе нивелируют добытые с огромным трудом преимущества.

С точки зрения Анкары, Идлиб является последним турецким оплотом в Сирии, потеря которого символизирует позорное поражение Турции в сирийском конфликте. Это означает, что турецкое руководство приложит максимум усилий, чтобы удержать северо-западную часть Сирии под своим контролем (особенно после победы Эрдогана на последнем референдуме, которая априори приведет к более активной внешней политике турецкого руководства).

Нежелание гарантов нагнетать очередной виток конфликта, а также стремление минимизировать возможность непосредственного столкновения в Сирии, вынудило инициаторов астанинской встречи, прежде всего Турцию и Россию, разработать соглашение о зонах деэскалации. По сути, это попытка реализовать «на земле» раздел страны на сферы влияния, о чем «тройка» договорилась еще в начале

2017 года. Москва, Анкара и Тегеран выделили четыре наиболее конфликтогенные зоны (Идлиб, северная часть Хомса, Восточная Гута, а также провинции Дараа и Кунейтра), где вероятность столкновения между силами режима и оппозицией наиболее высока, а значит, велик и риск очередного срыва перемирия с обеих сторон.

Таким образом, две зоны (Идлиб и Дараа с Кунейтрой) де-юре призваны обеспечить учет интересов и гарантировать присутствие внешних игроков в Сирии. А оставшиеся две зоны (Восточная Гута и север Хомса) фиксируют на территории подконтрольной сирийскому правительству наличие и неприкосновенность крупных оппозиционных анклавов, чьи «обитатели» являются неотъемлемой частью как астанинского, так и женеvского переговорных процессов.

Однако при всей актуальности очередной «тройственной» инициативы возможность ее реализации на практике пока остается под вопросом. Во-первых, документ сам по себе крайне абстрактный и на сегодняшний день неясно, сможет ли совместная рабочая группа согласовать все детали к обозначенному в коммюнике сроку (4 июня), учитывая диаметрально противоположные цели, преследуемые странами-гарантами в сирийском конфликте. Во-вторых, сторонам еще предстоит выработать механизм обеспечения перемирия в зонах деэскалации. Особенно актуально это для провинции Идлиб, где режим прекращения огня, а также иные мероприятия гуманитарного и социального характера, прописанные в соглашении, придется совмещать с борьбой с группировкой «Тахрир аш-Шам» (в прошлом «Джабхат ан-Нусрой»). В-третьих, соглашение не учитывает целый ряд районов, например в провинциях Дамаск и Хомс (эта зона вообще именуется как «определенные части на севере провинции Хомс»), где в последние месяцы неоднократно вспыхивали столкновения между силами режима и оппозиции. При этом выведение за пределы зон деэскалации таких районов, как Тишрин или Ар-Растан способно поставить под угрозу реализацию всей астанинской стратегии.

Но самое главное, что до сих пор остается неясным, заинтересованы ли сами противоборствующие стороны в реализации достигнутых в Астане договоренностей: под документом стоит лишь три подписи – за Иран, Россию и Турцию, – но нет ни одного автографа представителя Сирии. А это значит, что вероятность саботажа астанинских соглашений по-прежнему высока.

теги

[syria](#)

категории

[Russia / World](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu